

После завершения танцев и песен наступил черед подношений от разных стран. Послы один за другим выставляли перед собравшимися диковинки, привезенные из своих земель. Другие четыре страны, входящие в пятерку величайших держав, не скупилась на подношения: пара жезлов жуи из огненной яшмы от государства Фэнтянь, плод рассветного льда от государства Шэнтянь, куст белого коралла от государства Рие и ларец с двадцатью черными жемчужинами от государства Фуян. Все эти сокровища, редкие и бесценные, льстили самолюбию императора государства Фэйюнь.

Храм Инцзюэ, будучи самой почитаемой обителью вблизи столицы, также прислал своих представителей. Когда подношения близились к концу, подарок настоятеля храма вознес атмосферу праздника до предела.

Лу Энь, как самый младший послушник, поначалу не имел права входить в зал вместе с настоятелем и несколькими выдающимися старшими братьями для подношения картины. Однако брат Фэнчжэнь объяснил, что всё уже устроено: именно он написал стихи к картине, и император не сможет оставить его талант без внимания. Как и предсказывали братья, император и министры заинтересовались автором каллиграфии, и настоятель позволил юноше выйти вперед.

— Ты... ты ведь тот самый, из прошлого раза, — удивился Чжу Инъян, рассматривая юношу. — Помнится, твоя фамилия Фэй...

— Ничтожный подданный Фэй Юэлю ныне носит имя Фэн И, дарованное мне в храме Инцзюэ, — почтительно отозвался Лу Энь.

— Эти стихи на мотив «Бабочки, влюбленной в цветы» — твоего пера дело?

— Лишь случайный плод минутного вдохновения, — скромно ответил он.

— О, ты весьма скромн. Чэнь Кан, что ты скажешь?

Молодой чиновник Чэнь Кан, помощник министра в ведомстве чинов, поднялся со своего места и поклонился:

— Ваше Величество, меня также заинтересовал талант господина Фэн И. Сегодня ночь прекрасна, луна полна, и здесь собралось множество достойных людей. Не сочтет ли Фэн И за труд вместе со мной немного развлечь почтенную публику?

— Прекрасно! — воскликнул император.

— Отличная идея, — поддержали придворные.

— Господин Чэнь, только будьте снисходительны к младшему, — раздался голоса.

Многие, видя юность и худобу Лу Эня, тайне презирали его, ожидая забавного зрелища. Особенно раздражала самодовольная мина Чэнь Кана.

«Ну уж нет, — подумал Лу Энь, — решили, что я мал и глуп, и меня легко обидеть? Как бы не так! Тот, кто решит задеть меня, должен обладать изрядным мужеством, чтобы выдержать мою месть».

Внешне он оставался невозмутим, но внутри «злой маг» уже предвкушающе ухмылялся.

В рядах делегации Фэнтянь Юань Цин лениво потягивал вино. На первый взгляд он не проявлял интереса к «развлечению», но в глубине души сочувствовал миловидному мальчику. На вид тому было не больше шестнадцати — симпатичный, но слишком тонкий, того и гляди ветром унесет. Жаль будет, если старые лисы его затравят.

На его губах заиграла почти незаметная улыбка; отвага этого мальчишки была достойна похвалы.

Бай Цзинчэнь сидел неподвижно, но он не сводил глаз с Лу Эня, отчего тот, даже не глядя на министра, чувствовал себя неловко.

— Что ж, я позволяю. Пусть это будет забавой, не принимайте близко к сердцу, — провозгласил император, демонстрируя монаршее великодушие.

Зал притих.

— Пожалуйста, господин Чэнь, проявите милосердие к моему невежеству, — Лу Энь вежливо поклонился противнику.

— Разумеется. Я предложу несложную тему. Сейчас в небе сияют две луны, так пусть темой станет «Тоска под луной». Срок — пока не догорит половина ароматической палочки. Прошу.

Лу Энь поднял голову к ночному небу. На глубоком бархатном небосводе мерцали звезды, а две луны висели рядом, словно отец и сын. Внезапный прилив тоски по дому захлестнул его душу.

«Лу Энь, ты не спишь?»

«Нет, отец. Сегодня луна невероятно красива».

«Знаешь, Лу Энь... Говорят, в этот самый миг кто-то в другом мире так же вглядывается в ночное небо. Одни считают, что это наши двойники в иных реальностях, другие — что это осколки наших душ, затерянные на краю мироздания. А как думаешь ты?»

«Не знаю...»

«Верно. "Не знаю" — это и есть ответ. Мир ценен именно тем, что полон непостижимых тайн. Маги ближе всех стоят к природе. Романтические фантазии допустимы, но прежде всего ты должен быть верен своим чувствам. Ты ответил честно, а значит, однажды найдешь свой истинный ответ».

— Мастер Фэн И? — голос Чэнь Кана оборвал нить воспоминаний. — Пора бы уже, время на исходе.

Юноша едва заметно улыбнулся.

— Простите, господин Чэнь. Я засмотрелся на лунный свет, чем и вызвал вашу насмешку.

«Ху, решил выставить меня на посмешище? Тебе придется подождать еще пару сотен лет!»

— Ха-ха, неужели ты хочешь попросить дополнительное время? — насмешливо спросил чиновник.

— В этом нет нужды, — отрезал Лу Энь.

Этот резкий ответ заставил Чэнь Кана осечься. Окружающие тоже замерли, чувствуя, что инициатива ускользает из рук чиновника.

Лу Энь расправил длинные рукава. Ночной ветер коснулся его лица, всколыхнув пряди волос. Прежняя маска вежливого безразличия исчезла, уступив место глубокой печали. Он заговорил неспешно, и голос его, чистый и ясный, поплыл над замершим залом:

— Когда взойдет луна? С вином спрошу я небо. Не знаю, в вышине, в чертогах у богов, какой сегодня год... Я б поспешил туда, верхом на вольном ветре, но опасаясь я: там, в башнях из нефрита, на страшной высоте, меня погубит холод. К чему танцую я, с тесенью своей играя? Нет, лучше мне в миру... Луна обходит дом, в окно мое заглянет, где сна лишился я. И к чему нам вражда? Зачем она сияет в разлуке столь полно? И горе, и восторг, и встречи, и прощанья — всё в мире суждено. Луна то в облаках, то светит безупречно. Всё так из века в век. Лишь об одном молю: пусть дольше длятся годы, чтоб мы сквозь сотни миль одной луной владели!

Шумный пир мгновенно погрузился в мертвую тишину. Гости, очарованные печальной красотой стихов, не могли проронить ни слова. Чэнь Кан побагровел — состязание было окончено, не успев начаться.

Лу Энь мысленно поблагодарил великих поэтов прошлого: без их наследия ему бы не поздоровилось.

Придя в себя, придворные взирали на него с восторгом. Юань Цин и Бай Цзинчэнь замерли с кубками в руках, а император с интересом наблюдал за юношей.

— Прекрасно! «Пусть дольше длятся годы, чтоб мы сквозь сотни миль одной луной владели!» Истинный герой растет. Ты спас столицу, а теперь поразил всех своим талантом. Фэй Юэлю, я чуть не лишился такого сокровища. Сколько тебе лет?

— Ваше Величество, я не достоин звания героя. Мне всего восемнадцать.

— Хорошо. Со следующего месяца ты вступишь на службу в Академию Тайхэ в чине ученого мужа четвертого ранга.

«Эй, нельзя же решать такие вещи без меня!» — возмутился Лу Энь про себя, но вслух лишь выразил покорность. В этом мире воля монарха была абсолютной.

Принимая милость, он еще не знал, какой след оставил в сердцах присутствующих. Этой ночью имя «господина Фэн И» прогремело на весь Тяньцзин, принеся ему славу и множество грядущих хлопот.

Пока церемония продолжалась, Лу Энь отступил в тень, стараясь не привлекать лишнего внимания. Он понимал, что теперь ему придется иметь дело с этими министрами, и лишняя болтовня сейчас ни к чему. Однако было ясно: враг в лице Чэнь Кана уже обретен. Пусть Академия не подчинялась напрямую министерствам, Чэнь Кан явно не собирался оставлять Лу Эня в покое — его полный ненависти взгляд буквально жег затылок.

Затем настоятель преподнес свой главный дар. Старшие монахи развернули свиток, который был гораздо больше обычных картин. Многие ожидали увидеть шедевр живописи, созвучный стихам Лу Эня, но для свадьбы принцессы такой подарок казался скромным.

Настоятель коснулся края свитка и резким движением сорвал верхний слой.

— Что вы... Это же!.. — гнев императора мгновенно сменился ошеломлением.

Министры и гости замерли, не замечая, как вино проливается из наклоненных кубков на парадные одежды. Послы других стран побледнели: на лицах одних читался страх, в глазах других — напряженная работа мысли.

Под невинной картиной скрывалась детальная карта приграничных территорий государства Фэйюнь — бесценное военное сокровище. Любой политик понимал: в мире, где война за гегемонию неизбежна, такая карта стоит дороже всех алмазов мира.

Лу Энь тоже был поражен. Старик-настоятель сделал поистине королевский ход.

Бай Цзинчэнь первым нарушил тишину:

— Поздравляю Ваше Величество! С таким даром наши границы станут нерушимы, а народ сможет жить в покое. Это истинная удача для государства!

Зал взорвался одобрительными криками. Император сиял.

— Верно сказано! Настоятель, за этот подвиг я должен вознаградить вас... Недавно мне поднесли «Сердце феэри», редчайшее снадобье для магов. Пусть оно станет вашим.

Лу Эню оставалось лишь наблюдать за политическими маневрами. Фэйюнь использовала праздник, чтобы продемонстрировать мощь и заставить соседей трепетать. Он заметил Юань Цина, левого министра Фэнтянь. Тот выглядел спокойным, но в его глазах скользила настороженность.

Вспомнив о Фэн Лэйяне, Лу Энь невольно вздохнул. С тех пор как его душа начала покидать тело, он был вынужден являться к этому человеку каждые семь дней. Тот, холодный как лед, почти не обращал на него внимания, заставляя Лу Эня развлекать самого себя монологами.

«Ну и истукан, — ворчал он про себя. — Хоть бы слово сказал».

Оставаться в одной комнате с этим человеком было невыносимо — от его ауры веяло могильным холодом. Кроме того, Лэйянь обладал скверным нравом и при любой возможности угрожал мечом или просто выставлял непрошеного гостя за дверь.

«И подумаешь, великий князь! Это я тут несчастный призрак!»

Впрочем, за полтора месяца Лу Энь подметил одну деталь: Лэйянь спал очень плохо, терзаемый кошмарами. Изменив свое отношение к нему, Лу Энь начал втайне помогать князю, используя свою магию света для исцеления его измученного разума.

Вот и сегодня наступил седьмой день.

Весенний дождь стих, и сырой ночной ветер принес долгожданную прохладу. Капли воды скользили по сочной зелени листьев. Лу Энь протянул руку, пытаясь поймать струю, стекающую с крыши, но вода лишь прошла сквозь его полупрозрачную ладонь. Он вздохнул — касаться он мог лишь Фэн Лэйяна.

Он обернулся и посмотрел на князя, который сидел в кресле, прикрыв глаза. На столе возвышались стопки донесений.

— Ты снова занят? — негромко спросил Лу Энь. — В прошлый раз ты тоже работал до рассвета. Я понимаю, на тебе лежит бремя власти, но отдых необходим. Поручи часть дел верным людям, иначе ты просто загонишь себя... Эй, ты меня слышишь?

Он прикрикнул, но Лэйянь даже не шелохнулся.

— Серьезно, я же из добрых побуждений! Ты работаешь за десятерых. Если бы не слуги, ты бы давно уже умер от истощения. Сделай перерыв, мир не рухнет. Человеческие возможности не безграничны...

Лу Энь продолжал рассуждать об искусстве управления и пользе сна, пока не обнаружил, что его «собеседник» уже спит.

«Невероятно. Мои советы для него как колыбельная».

Он обиженно уставился на спящего князя, но, заметив глубокую складку между его бровями и темные круги под глазами, смягчился. За маской надменного и жестокого правителя скрывался человек, который просто не умел доверять.

В начале года Фэнтянь поглотила малое государство Тисун. Победа была быстрой, но сопротивление на окраинах провинции Цинчжоу доставляло немало хлопот. Лу Энь не мог читать документы, но догадывался, что именно там сейчас неспокойно. Фэнтянь разделено на четырнадцать провинций, статус губернатора провинции уступает лишь канцлеру и князю. Цинчжоу расположена на северо-восточной границе, это первое место, которое страдает в случае войны.

Пожалев князя, Лу Энь магией ветра осторожно поднял его и перенес на кровать. Укрыв его одеялом, он на мгновение сжал его ладони, передавая согревающую силу.

Внезапно его чуткий слух уловил тихий шорох. Луна не могла пробиться сквозь плотные шторы, и в комнате царил зловещий полумрак.

«Убийцы!» — обожгла мысль.

— Наконец-то... пришли... — раздался холодный голос с кровати.

— Ты... ты не спал? — Лу Энь отдернул руки.

Фэн Лэйянь взглянул на него, но, на удивление, не рассердился.

— Если не хочешь видеть, как я убиваю, — закрой глаза.

Он сорвал со стены меч и поднялся. В его глазах вспыхнул азарт хищника.

— Кто это? — встревожился Лу Энь.

— О, желающих много, — последовал горький смешок.

— Люди из Тисун?

— Нет... это Великая наложница.

Лу Энь замер. Его собственная мать?

— Ты шутишь.

— Хм.

— Эй, это уже второй раз за ночь! Вечно ты ведешь себя так, будто ты выше всех. Терпеть этого не могу.

В этот момент три тени ворвались в окно. Стальные клинки хищно блеснули в лунном свете синеватым отливом. Яд!

Меч в руках Лэйяна превратился в сверкающую молнию. Он двигался с грацией дракона, легко уклоняясь от выпадов. Убийцы были мастерами своего дела, действуя слаженно и целя в уязвимые места. Вскоре бой переместился во двор, где на помощь князю уже поспешили его верные стражи — Линь Цун и Цзян Миньчжун.

— Ваше Высочество!

— Эта женщина никак не уймется, раз наняла даже мастеров из мира боевых искусств, — процедил Лэйянь.

Он нанес мощный удар ладонью, отбросив двоих противников. Сила его внутренней энергии была сокрушительной. Поговаривали, что регент Фэнтянь искусен в науках и войне, но Лу Энь не ожидал такой мощи.

«Потрясающе! — Лу Энь смотрел, затаив дыхание. — Е и Ляо не стоят и половины его силы. Истинный властелин».

— А-а-а! Убийцы! — закричал слуга, вышедший сменить лампы. Кровавая сцена повергла его в ужас.

Нападавшие обменялись взглядами и одновременно выхватили красные талисманы.

— Сдохни!

«Огненные заклятья! — Лу Энь мгновенно среагировал. — Огонь губителен для его стихии Металла!»

Он вскинул правую руку:

— Ветер, стань клинком, разрежь пламя!

Раздался вой урагана. Прежде чем убийцы успели приблизиться к Лэйяну, невидимая сила швырнула их на землю, располозовав одежду и плоть. Стена огня, сорвавшаяся с талисманов, была разрублена воздушным вихрем и рассыпалась искрами.

Фэн Лэйянь издал яростный крик, от которого задрожали деревья. Слуги и стража в ужасе закрыли уши — оставшееся пламя просто погасло от этой звуковой волны.

— Чтобы убить меня, твоего умения маловато, — его голос был полон презрения. — Алчная мать, ты недооценила мощь того, кого называешь чудовищем.

— Демон! — в ужасе выдохнул один из раненых убийц.

— Эта сила... нечеловеческая... — простонал другой.

Лу Энь стоял, не в силах поверить в увиденное. Неужели человек способен на такое?

Гвардейцы ворвались во двор, окружая выживших, но те один за другим забились в конвульсиях, раскусив капсулы с ядом.

— Смертники? — Лэйянь убрал меч. — Линь Цун, найди того, кто стоит за ними, и истреби всех до единого. Мне надоели эти игры.

Белые лепестки абрикоса, сорванные магией Лу Эня, кружились в воздухе, словно снежинки, оседая на залитые кровью камни. Лу Энь стоял у порога, глядя на проходящего мимо князя.

— Они использовали магические знаки. Значит, на этот раз всё было всерьез. Так это были наемники?

Лэйянь жестом отослал слуг и закрыл дверь.

— Ты действительно ничего не знаешь, — он подошел вплотную и, грубо схватив Лу Эня за подбородок, заставил поднять голову. Он смотрел с ледяной пронзительностью. — Любопытство тебя погубит. Хочешь жить — прикинься дураком и не задавай вопросов. Я терплю тебя только потому, что ты пока не причинил мне вреда. Иначе я бы не позволил какому-то призраку так вольно вести себя в моем присутствии.

— Больно! Ты переходишь границы! — Лу Энь попытался вырваться, но его руки лишь проходили сквозь запястье князя. Пришлось просто сверлить его взглядом. — Я вообще-то жизнь тебе спас, а ты платишь неблагодарностью!

Фэн Лэйянь расхохотался — зловеще и сухо.

— Спаситель? Смешно! Ты слышал, что обо мне говорят? Ты думаешь, мне есть до этого дело? Никто, кроме тебя, не знает об этом «спасении». Если я убью тебя прямо сейчас, никто и не заметит.

Лу Энь вздрогнул. Холодная усмешка князя подтверждала — он не шутит.

— Хорошо, хорошо! Я молчу, — буркнул он. Жизнь была дороже гордости.

Лэйянь удовлетворенно отпустил его, мельком взглянув на трехлистную печать, проглядывающую между ключиц юноши.

— Тот ветер был твоим делом?

Лу Энь лишь неопределенно хмыкнул.

— На сегодня хватит. Уходи.

Князь прошел в спальню и начал снимать одежду. Лунный свет обрисовал его атлетическую фигуру, превращая его в одинокого бога войны, запертого в собственной тьме.

— Постой! — Лу Энь невольно схватил его за руку, но тут же отпрянул, словно обжегся. Ощущение его тепла заставило сердце биться чаще.

Лэйянь на мгновение смягчился.

— Я слышал... — Лу Энь заговорил быстро, пытаясь скрыть смущение, — что в провинции Цинчжоу, во Дворце Бабочек, в седьмом месяце расцветают тысячи цветов, привлекая стаи бабочек. Давай договоримся? В седьмой день седьмого месяца встретимся там. Пусть это перо будет залогом.

В его пальцах появились два ярко-красных пера, сверкающих в полумраке.

Лэйянь долго молчал, всматриваясь в лицо Лу Эня своим пронзительным взглядом.

— Если это ловушка, — наконец произнес он, — то ты невероятно глуп.

— Да-да, Ваше Высочество, вы мудры и непобедимы, куда мне до ваших интриг, — Лу Энь шутливо поклонился, но его глаза сияли радостью. Барьер недоверия начал давать трещину.

Лэйянь принял перо. Холод в его взоре сменился странным спокойствием.

— Почему ты меня не боишься? — спросил он тихо. Все трепетали перед ним, но этот юноша... в его нежно-фиолетовом взгляде была искренность. Князь не был каменным и понимал, что его спокойный сон в эти ночи — заслуга этого «призрака».

— Что бы там ни болтали о твоей жестокости, я верю своим глазам. У тебя скверный характер, это правда, но ты не злой человек. В твоём положении нельзя быть мягким. Ты поднял Фэнтянь из руин, вернул земли, укрепил мощь страны. Жаль, что ты не император.

Таких слов Фэн Лэйянь не слышал никогда. Он стоял, не в силах отвести глаз от улыбающегося Лу Эня. Наконец, он молча повернулся и лег в постель.

— Можешь проваливать.

Лу Энь лишь улыбнулся и, пожелав ему доброй ночи, растворился в воздухе. Сегодня князю помощь не требовалась.

Лэйянь долго смотрел на перо в своей руке. В глубине его души, за крепко запертыми дверями, шевельнулось нечто похожее на радость. Этот пустой и холодный дворец оживал лишь тогда, когда приходил Лу Энь.

Красное перо в его ладони казалось живым. От него исходило мягкое тепло, прогоняющее усталость и тревогу. Засыпая, Фэн Лэйянь прижал его к губам, и впервые за долгое время его сон был мирным.

Он не знал, что это перо Огненного Хуана, и заключенная в нем древняя сила будет хранить его покой.